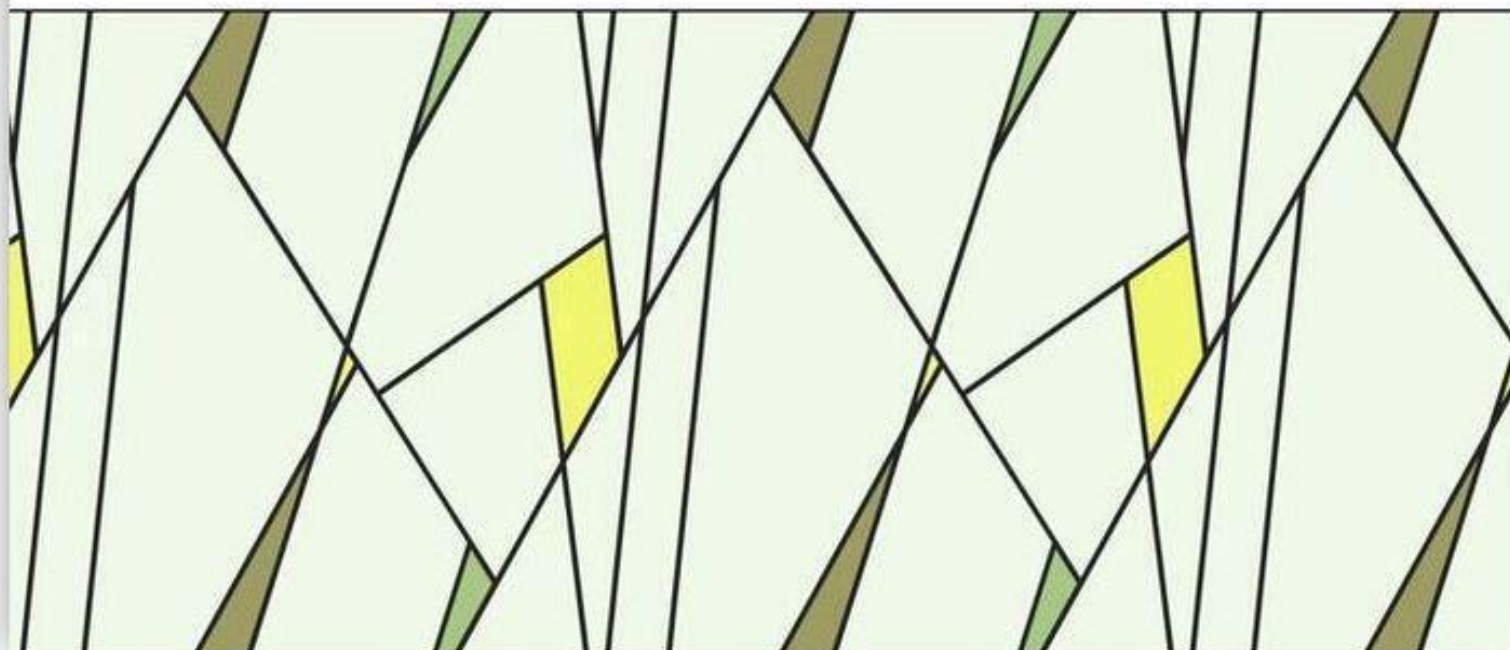

18+ Юрий Кисленко

*Глазами солдата.
Маленькие
эпизоды большой
войны*

Воспоминания рядового сержанта
гвардии

Юрий Кисленко

**Глазами солдата. Маленькие
эпизоды большой войны.
Воспоминания рядового
сержанта гвардии**

«Издательские решения»

Кисленко Ю.

Глазами солдата. Маленькие эпизоды большой войны.
Воспоминания рядового сержанта гвардии / Ю. Кисленко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988709-2

Военные мемуары. Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны.
Написаны непосредственным участником тех событий — так, как они
воспринимались тогда, глазами юного солдата, прошедшего и проползшего
по дорогам и полям ужасной войны, от Днепра до Эльбы — без прикрас
и политических домыслов...

ISBN 978-5-44-988709-2

© Кисленко Ю.
© Издательские решения

Содержание

Маленькие военные эпизоды	6
~~ Предисловие ~~	7
«Внезапность нападения»	8
Первые дни войны	9
Оккупация	10
Начало солдатского пути	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Глазами солдата. Маленькие эпизоды большой войны Воспоминания рядового сержанта гвардии

Юрий Кисленко

© Юрий Кисленко, 2026

ISBN 978-5-4498-8709-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькие военные эпизоды Солдатский дневник

~~ Предисловие ~~

Давно отгремела Великая Отечественная война 1941—1945, уходят ее бывшие участники, а память о тех событиях продолжает жить в народе и переживает поколения. На эту тему написано много книг, поставлены спектакли, выпущено много кинофильмов, интересных и правдивых, серых и надуманных. Наверное, необходимо значительное время для того, чтобы появились такие произведения, как «Война и мир» Л. Толстого, где была бы показана настоящая картина всего того, что произошло тогда.

Сегодня материалы о войне отражают субъективные впечатления людей, участвовавших в событиях тех лет, или изучавших их под влиянием официальной точки зрения и сложившегося общественного мнения. Каждый автор описывает события с учетом своих эмоций.

Это видно хорошо из мемуарной литературы, особенно военачальников. Если послушать наших, видно, как они описывают кратко и невнятно печальные и трагические дни 1941—1942, но бодро и дотошно победы 1943—1945, из которых видна их роль — небольшая при поражениях в 1-й половине войны (в основном, по вине Сталина), и очень крупная роль при победах во 2-й половине войны.

Немецкие генералы в своих мемуарах высказываются в таком же духе, только наоборот: о 1-й половине войны подробно в деталях о своих победах, а про 2-ю половину скупно и туманно, при этом всю вину сваливают на Гитлера.

Американские военные и огромная армия знатоков «войны издалека», как правило, мало интересуются начальной стадией войны и в основном описывают свою неоценимую помощь союзникам, без которой те неминуемо погибли бы. И очень подробно рассказывают, как они разгромили немцев после высадки в Европе, уделяя второстепенное внимание союзникам-англичанам. Война с Японией освещена американцами значительно объективнее.

Сильное впечатление из всей мемуарной литературы оставляет «История 2-й Мировой войны» Уинстона Черчилля, написанная в целом объективно, хотя, естественно, отражает мнение английской стороны. Произведение было удостоено Нобелевской премии по литературе.

Солдатской мемуарной литературы практически нет, и неспроста. Солдаты были теми маленькими винтиками войны (по выражению Сталина), которых также называют пушечным мясом, выполнявшими волю вышестоящего руководства и мало имели возможности масштабно оценивать обстановку на фронте. Они видели узкую полосу своего участка действий, а сверхчеловеческие физические напряжения и страдания иногда приводили к тому, что человек оказывался на той грани, где нормальные человеческие чувства и понятия исчезают — где там до оценки событий! Поэтому цельных, реалистичных солдатских мемуаров ожидать не приходится.

И в то же время, из калейдоскопа тех дней остаются в памяти различные эпизоды, какими они представлялись *тогда*, а не после войны, когда многое переосмысливаешь и воспринимаешь по-другому. Как сказал Ф.Рузвельт, «историю нельзя переписывать заново, выдавая желаемое за действительность». Отсюда и название этой работы- «Маленькие эпизоды» — от очевидца событий тех лет...

«Внезапность нападения»

В Днепропетровске проходили майские праздничные дни 1941 года. Для девятиклассников все казалось безоблачным, вся жизнь впереди. Несмотря на большие материальные трудности и даже на то, что ты остался без родителей, все кажется простым и ясным. Жить теперь стало лучше и веселей, особенно после разгрома внутренних врагов и после того, как утерли носы англо-французским империалистам, заключив пакты о ненападении с Германией и Японией. В результате у нас мир, те бьют друг друга, и СССР вагонами поставляет Германии различные сырье в помощь... Хотя, было странно читать в газетах, как здорово немцы бьют Западные страны — ведь совсем недавно у нас Германию называли фашистским агрессором...

Помню, в школе мы учили стих на уроке немецкого:

Moegen drohen die Faschisten,
Bald vorbei ist ihre Zeit.
Alle junge Kommunisten
immer sind zum Kaempfe bereit...

В один праздничный майский день сидели мы дома у товарища по классу и о чем-то спорили. В той же комнате, в другом углу, не очень громко, но отчетливо, беседовали отец моего товарища с приехавшим к нему братом- директором крупного в то время металлургического комбината. Мы не слушали, о чем они говорили, однако, когда наш спор прекратился, услышали голос гостя: «Ты брось, что ничего не будет. Вопрос ясный полностью, немцы подготовились и нападут на нас, вот только когда произойдет это, не знаю».

Мы с товарищем переглянулись, не подав виду, что подслушали. Когда полтора месяца спустя, в середине июня 1941 года в газетах появилось сообщение ТАСС, что слухи о якобы готовящемся нападении Германии на СССР являются провокационными, невольно вспомнился подслушанный разговор, который тут же к радости был забыт. В это же время, по рассказам, на Западной Украине появились плакаты «На советско-польской границе все спокойно. За панику расстрел!»

Вечером в субботу 21 июня у нас в школе был вечер по случаю окончания учебного года, на котором главными героями были ребята, окончившие 10 классов. Поздно ночью разошлись по домам. А утром в воскресенье 22 июня разбудил шум во дворе — все что-то громко обсуждали, непрерывно повторяя слово «война». По радио передали заявление наркома иностранных дел Молотова о «вероломном внезапном нападении фашистской Германии». Эта «внезапность» стала считаться одной из основных причин огромных поражений и потерь Красной армии в первый период войны. Снова вспомнился подслушанный разговор у товарища, и появился навязчивый вопрос: почему же «наверху» никто ничего не знал, и почему мы так плохо подготовились?... Кто мог представить себе тогда миллионы русских военнопленных?...

Первые дни войны

Для подростков нашего двора все изменилось. Как-то сами по себе прекратились многочисленные драки и хулиганские шалости, хорошо известные жителям нашей Мостовой улицы в Днепропетровске. Ребята часто собирались вместе, участвовали в сооружении «щелей», предназначенных для укрытия жильцов двора от вражеской авиации. По вечерам друг другу жаловались: плохо, что мы еще малые и не сможем участвовать в боях на фронте, который так далеко отсюда. Завидовали тем солдатам, которые будут громить фашистов на территории Германии. Об отступлении Красной армии никто и не думал. На формирование таких взглядов у молодежи перед войной повлияла целая серия интересных кинофильмов, которые мы с жадностью смотрели: «Если завтра война», «Чапаев», «Щорс» и другие. Все верили в мудрость Сталина.

Очень быстро война докатилась и до нас — по ночам начались налеты немецкой авиации, во время воздушной тревоги все бежали укрываться в «щелях». Там, в укрытии, среди ребят продолжались обсуждения в том же духе, как здорово было бы повоевать на фронте. Взрослые при этом на нас шикали и становились все более мрачными, переговариваясь между собой только шепотом.

Вскоре события в городе начали разворачиваться все быстрее. Налеты немцев становились частыми, бомбы летали над нашими головами в сторону недалеко расположенного вокзала и моста через Днепр. Огромные вереницы автомашин, повозок, скота забили улицы, ведущие к вокзалу и мосту. В воздухе носилась слово «эвакуация». Большинство ребят в нашем дворе не знали, что делать, тут оставались люди, не работающие на крупных предприятиях, которые власти начали эвакуировать в далекий тыл.

С товарищами побежали мы в свою школу, она была закрыта. Бросились в райком комсомола — там какие-то люди бегали со связками бумаг, которые сбрасывали в грузовик, ругаясь с перепуганным водителем, пытавшимся быстрее уехать.

На наш вопрос, что нам делать, никто не реагировал. Какой-то дядя на ходу крикнул: «Не до вас тут!» Другой человек крикнул нам, чтобы мы быстро выносили кипы бумаги в грузовик. Взялись и мы за дело и вскоре все были в мыле, так как стояла сильная жара. После очередного окрика водителя несколько человек, участвовавших в этой операции, вскочили в кузов, грузовик взревел и исчез из наших глаз в клубах пыли. Долго смотрели мы грузовику вслед, затем в подавленном состоянии разошлись по домам.

На следующий день в Днепропетровск вступили немецкие войска. От всех этих событий ребята быстро выросли: война забрала у нас детство...

Оккупация

Время оккупации прошло как сплошное черное пятно в жизни. Это были жуткие дни. За исключением предателей, которые пошли в услужение к фашистам и которых было явное меньшинство, для всех жителей города стоял вопрос, как выжить. Немцы вели себя по отношению к населению, как злой хозяин к скоту. Вначале уничтожили всех евреев, которых в Днепропетровске много осталось, а затем принялись за остальных. Если где-то подстрелили одного немца, весь район в облаве, и сотня взрослых, детей, стариков, кто попадет под руку, расстреливаются на месте. Поэтому надо быть всегда начеку и прятаться. Тем более, молодежь немцы угоняли в Германию на каторжные работы.

Чтобы не умереть с голоду, все наши скромные вещи пошли в обмен на любые продукты. Так мы лишились особо ценной вещи- швейной машинки «Зингер», которую бабушка вывезла из Острога еще во время эвакуации на Восток в 1915 году.

Единственной отрадой в то жуткое время был спрятанный мной на складе угля радиоприемник, который затем я перепрятал в кухне. Время от времени я включал его и слушал сообщения из Москвы и «ВВС» из Лондона. Сведения передавал своим знакомым под видом, что от кого-то сам услышал. Тогда так и говорилось: слышал от агентства ОБС- «одна баба сказала».

Однажды бабушка пыталась продавать на рынке старые советские газеты, которые можно было свободно брать из разгромленной библиотеки нашей школы, которая была открыта и не функционировала. Только вышла она с пачкой газет, как ее схватили полицаи и повели в гестапо. Поставили лицом к стенке и приказали отвечать, кто дал ей задание распространять эти газеты. Бабушка ничего не могла понять, пока какой-то полицай стал тыкать ей в лицо газеты, посвященные годовщине разгрома белогвардейцев под Царицыном в 1918 году. Оказалось, что только что, зимой 1943-го, немцы были разгромлены под Сталинградом, и полицаи решили, что газеты распространялись, как пропаганда. Наконец, сообразив, что старуха тут не причем, они ее обругали и вытолкнули на улицу. Бабушка долго не могла прийти в себя, она говорила, что одного боялась: если бы с ней что-то плохое произошло, я бы никогда ничего не узнал.

Ненависть к немцам росла очень быстро, и подавляющее большинство населения с радостью ожидало освобождения. При приближении наших войск все стремились взяться за оружие и бить германцев. Натиск Красной армии сократил время фашистской оккупации города.

\\\\\\\\\\\\\\\\

~ ~ ~ ~ ~

Начало солдатского пути

В военкомате, открытом сразу же после вступления наших войск в город, сутолока. Ото всюду выкрикивали фамилии призывников, новобранцы бежали в комнаты для регистрации, а затем строились в небольшие группы и быстро исчезали. Подошла и моя очередь. В большой комнате несколько военных задавали трем-четырем новобранцам вопросы, а врачи их бегло осматривали и выкрикивали «годен!» Мне вручили бумажку с номером группы и надписью «Годен к нестроевой службе». Почему, никто ничего не сказал, да и времени на разговоры не было.

Тут же какой-то сержант возглавил нашу группу, в основном из восемнадцатилетних ребят, с которым мы быстрым шагом вышли из города в направлении на Северо-Запад.

С собой я из дома захватил небольшой вещмешок, в котором, кроме шерстяного одеяла и куска хлеба, ничего не было. По дороге к нам присоединялись другие группы, и после дня непрерывного перехода образовалась большая команда не меньше ста человек. От непривычки, после таких переходов ребята, которые давно недоедали и были похожи на привидения, все падали от усталости.

При переходе через деревни новобранцы обменивались с крестьянами своими вещами на любую еду: кто часы отдал, кто шарф, а я одеяло. В результате я стал обладателем куска сала, и это серьезно подкрепило силы (правда, вскоре во время ночлега остатки сала кто-то украл).

Поздно ночью мы наконец добрались в расположение какой-то части, расположившейся в деревне после выхода из боя и сильно поредевшей. Был конец лета, земля еще хранила тепло, поэтому все уснули там, где стояли, после команды «отбой». Утро ушло на получение обмундирования и оформление. При этом выдавали то, что было в наличии. Если на кого-то обмундирование не подходило, носили частями свою гражданскую одежду. Вид был как у партизан. Среди пожилых новобранцев попадались зануды, которые не давали проходу старшине, выклянчивая недостающие обмундирование. Однажды, не выдержав, старшина заревел: «Отстань, пару деньков и так проходишь, а там на передовой сам найдешь, что нужно...»

Тогда для нас главными вопросами были- когда поспать и что поесть. Все остальное из головы ушло... На войне человек превращается во что-то далекое от Homo Sapiens...

При оформлении документов лейтенант, узнав, что я окончил 9 классов, сказал: «Очень грамотный! Получай пулемет «Максим». Со мной в пулеметный расчет попали еще четверо. Вторая половина дня была посвящена изучению пулемета, вместе с песней-инструкцией:

«Я пулеметчиком родился, в команде «Максима» возрос,
Я пулеметчиком родился, в команде «Максима» возрос...

Припев: «Эх, короб, кожух, рама, шатун, и с мотылем,
Ударная пружина, приемник с ползуном...»

Под конец дня мы сделали одну-две очереди по мишеням. Лейтенант сказал: «Хватит, на фронте доучитесь, патронов жалко».

На следующий день было принятие присяги и парад стрелкового полка, в котором нам отныне придется воевать. Во время парада, когда начальство обходило построенные ряды бойцов, я стал терять сознание и оседать вниз. Стоявшие рядом ребята меня поддерживали, и я повис у них на руках. Начальство этого не заметило, я почувствовал себя лучше, играл полковой

оркестр. Наш командир похвалил меня за то, что я не рухнул на землю при обходе высокого начальства, сказал, что это от недоедания и пройдет.

Фронт был рядом, за нами рядом Днепр. На какое-то время на этом участке установилось затишье, и все же днем войскам было сложно двигаться к фронту: немецкие самолеты в чистом голубом небе беспрерывно висели над головой, бомбежки чередовались пулеметными атаками истребителей. Поэтому наши войска двигались в основном ночью в полной темноте. Куда ступать, не видно, а если поскользнешься, падаешь вместе с пулеметом, который солдаты тащили на себе по частям: станок 32 кг, ствол 16 кг, щиток 8 кг. А еще плюс карабин, лопатка, вещмешок.

При подходе к передовой все время необходимо копать лопаткой себе окоп. Казалось, никаких уже сил не осталось, однако при обстрелах копаешь быстро, так как это единственное средство спасения. Никогда бы не подумал, что человек способен выносить такие перегрузки! Несколько марш-бросков ночью и днем, и наш полк вплотную подошел к передовой фронта. Земля гудела, вокруг взрывы, от которых валишься на землю вместе с «Максимом». И когда поднимаешься, недосчитываешься многих солдат, только что шедших с тобой рядом. Убитые валяются вокруг в разных позах. Состояние такое, что организм перестает ощущать опасность...

Слышим команду «Вперед», ставим пулемет на колеса и вдвоем тянем его по земле в поле. На колеса наматывается бурьян, липнут комки земли, отчего тянуть пулемет становится невмоготу. Приходится беспрерывно меняться с товарищами, пока они целы. Вокруг бегут, обгоняя нас, пехотинцы с каким-то ревом...

Наконец, достигаем переднего края, где мы должны сменить полк, от которого уже почти никого не осталось и который отходит в тыл. От полка на передовой остались свежерытые окопчики и убитые солдаты. В нашем расчете уже двоих нет. Лихорадочно окапываемся. Где противник?.. Наконец, начинаешь понимать по трассирующим пулям, которые летят навстречу... После первых очередей из «Максима» чувствуешь, что вокруг усиливаются взрывы мин и шквал пуль: видимо, немцы нас засекли и пытаются подавить нашу точку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.